

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ

ФИЛОСОФИИ

9

1983

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 9

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

1983

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные социально-философские проблемы современности в свете решений XXVI съезда КПСС

- Г. Л. Смирнов — За решительный поворот философских исследований к социальной практике 3

Диалектика и современное научное познание

- Р. И. Кругликов — Отражение и время 20
К. Х. Делокаров — У истоков материалистического истолкования теории относительности (разработка С. Ю. Семковским философских проблем учения Эйнштейна) 29

Методологические проблемы общественных наук

- Ф. М. Бурлацкий — Некоторые вопросы теории международных отношений 36

Методологические проблемы технических наук

- Г. В. Каганчук — Изменение «идеалов» организации научного знания в современной технической науке (Круглый стол «Вопросов философии») 49

К 2000-летию юбилею Ташкента

- От редакции 59
Э. Ю. Юсупов — Город — народ — культура 59

Идеологическая борьба на современном этапе

- Материалы совещания в редакции журнала «Вопросы философии» по проблемам идеологической борьбы 69

Историко-философские исследования и проблемы

- М. Т. Степанянц — К вопросу об изучении философии народов зарубежного Востока 85
Н. Д. Старосельская — Русский Фауст 92

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

К 100-летию группы «Освобождение труда»

- М. Т. Иовчук, И. А. Кадышева, И. Н. Курбагова (Ленинград) — Критика в марксистских работах В. И. Засулич террористических течений конца XIX — начала XX века 102
В. Засулич — Террористическое движение в России 107

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Беседа с членом-корреспондентом АН СССР **И. Т. Фроловым** . . . 120

ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ

В. А. Жучков — Актуальность традиции и парадоксы интерпретации . . . 122

В. Г. Горохов, Ю. И. Ямпольский — Становление научно-технических дисциплин . . . 127

Р. И. Соколова — «Наш философ» Иосиф Дицген . . . 129

К читателям журнала «Вопросы философии» . . . 132

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Обзор писем читателей . . . 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Д. Симоненко — Исследования технических наук: философско-методологический анализ, история и проблемы развития . . . 142

Г. И. Царегородцев, А. Я. Иванюшкин — Медицина и этика . . . 147

В. К. Лукашевич — Философско-методологические проблемы взаимодействия наук . . . 152

Тематика диссертаций по философии, защищенных во втором полугодии 1982 года . . . 153

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Е. Полетаев — С. Л. Сеньявский. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.) . . . 159

В. И. Аршинов, Б. Я. Пахомов — Ленинское философское наследие и современная физика . . . 160

Л. И. Новикова — А. Ф. Полис. Единство социального и биологического в гармоническом развитии личности . . . 163

В. И. Овчаренко, Т. Г. Румянцева (Минск) — И. И. Антонович. Буржуазная социологическая теория. Критический очерк основных направлений, концепций, категорий. Часть II . . . 165

Коротко о книгах . . . 166

Д. И. Правдин, П. С. Шкуринов — В. В. Павлов. Методологические аспекты управления . . . 166

Условия проведения открытых конкурсов на создание учебников для студентов высших учебных заведений по философии, политэкономии и научному коммунизму . . . 168

Казимир Павлович Буслов . . . 169

Памяти Радована Рихты . . . 170

Резюме на английском языке . . . 172

Наши авторы . . . 176

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

К. Маркс, марксизм и современность

Марксизм и гуманизм

Человек в современном мире

Человек как фундаментальная проблема

Диалектика и современное научное познание

Деятельностный подход к проблеме теоретизации медицины

Методологические проблемы общественных наук

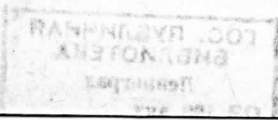
Социалистическая ориентация и ее место в мировом революционном процессе

Проблемы и противоречия современной буржуазной философии

О социоцентристской тенденции в буржуазной философии XX века

Историко-философские исследования и проблемы

Кант как первый философ науки

тельности российских революционных марксистов конца XIX — начала XX века, в том числе петербургских марксистов из «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным, имя которого из конспиративных соображений не называлось, но оно было известно руководящим деятелям немецкой социал-демократии.

Для нашего времени знакомство с публикуемой статьей В. И. Засулич представляет интерес и с той точки зрения, что она способствует опровержению вымыслов современных буржуазных и оппортунистических идеологов и политиков, пытающихся использовать имя Засулич, других русских марксистов для клеветнического обвинения марксистов, пролетарских революционеров, коммунистических партий в пропаганде, поддержке и осуществлении террористических взглядов и действий.

При всем том, что путь членов группы «Освобождение труда», в том числе Засулич, а затем и Плеханова после II съезда РСДРП, разошелся с единственно правильным, ленинским путем партии большевиков, коммунисты, советские люди высоко ценят вклад группы «Освобождение труда», особенно Плеханова и Засулич, в дело пропаганды и защиты марксизма

в России, сделанные ими в 80—90-х годах XIX века первые шаги по пути соединения научного социализма с российским рабочим движением, их деятельность в «Искре» и «Заре», способствовавшие идейно-теоретической подготовке создания в России марксистской, революционной пролетарской партии во главе с В. И. Лениным.

Публикуемая ниже марксистская работа В. И. Засулич, написанная в 1901—1902 годах и дающая научно обоснованную, яркую и убедительную критику субъективистской, мелкобуржуазной идеологии и авантюристической тактики индивидуального террора в конце XIX — начале XX века, даже при нечеткости некоторых ее положений в своей основе сохраняет актуальное значение. Это произведение, развиваемые в нем идеи могут способствовать делу идейной борьбы марксизма-ленинизма против современного терроризма, экстремизма справа и «слева», чуждого революционному движению рабочего класса, трудящихся масс, враждебного марксизму-ленинизму, несовместимого с идеологией и политикой коммунистов и, как правило, служащего ныне интересам агрессивной империалистической реакции.

Террористическое движение в России*

В. ЗАСУЛИЧ

I

Редакция «Neue Zeit» предложила мне охарактеризовать различные течения в русском революционном движении. Однако я должна ограничить тему и буду говорить в этой статье лишь об одной категории противников нашего направления внутри революционного движения — «социалистах-революционерах» — и нашем отношении к этому направлению, кото-

рое в последнее время стало чем-то вроде эха pistolетных выстрелов и поэтому привлекло всеобщее внимание¹.

Наметить наше отношение именно к этому направлению тем необходимее, что, по сути дела, принципиальное противоречие в революционном лагере существует только между нами — революционными социал-демократами («ортодоксами», «догматиками» и т. д., как любят называть нас наши противники) — и этим вдруг возникшим направлением. Внутри самой русской социал-демократии, напротив, сейчас имеется гораздо меньше различий во мнениях, чем это могло бы показаться людям, глядящим на нее со стороны. Существенных расколов, основывающихся на различном толковании программы, вообще не существует среди действующих в России социал-демократов; все еще имеющиеся различия во мнениях постоянно идут на убыль, и, во всяком случае, они не могут стать препятствием для окончательного объединения партии. Правда, за границей имеется много групп, выпу-

* Настоящие размышления нашего друга тем более достойны внимания, что уже мало осталось в живых людей, так хорошо на основании собственного опыта знающих политический терроризм и его психологические последствия и способных так верно оценить его, как Вера Засулич. Именно она более чем на протяжении жизни одного поколения стоит в авангарде русского революционного движения, и ее выстрел в изверга Трепова, совершенный 5 февраля 1878 г., можно считать началом первого периода политического терроризма в России.— Прим. ред. «Neue Zeit»

скающих свои издания независимо друг от друга: «Жизнь»², «Рабочее дело»^{3*}, «Борьба»⁴, «Свобода»^{5**}. Но все эти издания не имели и не имеют за собой в самой России никаких групп (за исключением «Рабочего дела», которое, впрочем, за последний год ничего не опубликовало).

Правда, совсем по-другому обстояли дела два-три года тому назад, хотя приверженцы «Рабочего дела» тогда придерживались мнения (может быть, они придерживаются его еще и сейчас), что именно в те времена внутри якобы объединенной «Российской социал-демократической рабочей партии»⁷ все жили душа в душу, и это единодушие было нарушено в течение последних двух лет, и нарушено только в результате полемического пыла ортодоксов.

Чтобы ясно представить нынешнее положение, скажем несколько слов о самом недавнем прошлом нашего движения.

Организованная революционная деятельность социал-демократов на русской почве начинается практически с 1895 г. с возникновением «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса»⁸. Членами этой организации были люди, хорошо подготовленные к своей деятельности и всецело стоявшие на позициях тогда еще единственного, но теперь нуждающегося в пояснении «ортодоксального» революционного марксизма. Первой задачей Союза было завоевание влияния на рабочих, и именно тогда ситуация для этого была особенно благоприятной.

Переход от углубленной пропаганды в мелких кружках к агитации на фабриках и в мастерских совпал по времени с новым периодом забастовок. Уже и раньше они периодически проводились в фабричных районах России, но социали-

сты при этом — за некоторым исключением — не играли в них никакой роли. Напротив, на этот раз забастовки готовились «марксистами», принимавшими активное участие в борьбе. Мощной забастовке, состоявшейся в 1896 г. в Петербурге, привлечшей внимание всей европейской прессы, предшествовала агитация, проводимая в течение месяцев; была подготовлена масса листовок, в которых рабочие призывались к борьбе со злоупотреблениями и к требованию сокращения рабочего времени. Успех, которого добились петербургские рабочие, был учтен нашей только что возникшей социал-демократией. В провинции образовались «Союзы борьбы», которые, следуя имеющемуся образцу, призывали рабочих к борьбе за экономическое повышение жизненного уровня; при этом они указывали на пример петербургских товарищей. Действительно, состоялись многочисленные стачки, и каждый раз в результате они способствовали сближению рабочих и социал-демократов, укрепляя веру в собственные силы как тех, так и других. Хотя листовки во многих случаях были весьма беспомощны, все же они направляли рабочих на то, чтобы их забастовки были бы не просто беспорядками, бунтами отчаявшихся толп людей, а средством борьбы, применяемым во всем мире (часто некоторые слова в них были обращены к «зарубежным братьям»). Понятие «рабочий класс» само по себе было чуждо для рабочих, не подвергшихся влиянию пропаганды. Энергичное участие социал-демократов в этой стачечной эпидемии, которая продлилась еще до 1897 — 1898 гг., было, во всяком случае, очень успешным: тем самым были заложены основы для будущего движения.

Но когда забастовочное движение стало особенно оживленным, основатели «Союза» уже сидели в тюрьмах. На их место приходили все другие и другие, но уже меньше подготовленные люди. Так же быстро менялись борцы и в провинции. Вскоре в этих «Союзах борьбы», переименованных в 1898 г. в комитеты «Российской социал-демократической рабочей партии», были представлены люди, на взгляды которых уже влияло увлечение одним только забастовочным движением. Возник своеобразный фанатизм «экономической борьбы» (забастовки и стачечные кассы для поддержки этих забастовок), который исключал все другое. Молодые марксисты стали, сами того не зная, «только профсоюзными работниками» и защищали свои взгляды ссылками на марксистскую литературу. Экономическая борьба, утверждали они, является пролетарской борьбой, классовой борьбой, а

* Кричевский и товарищи. — Прим. В. И. Засулич.

** Издания этой группы, правда, не относятся к социал-демократическим. При всем таланте авторов работы этой группы отличаются нечеткостью теории, представляя собой нечто среднее между взглядами «социалистов-революционеров» и «революционеров-демократов». К первым они приближаются своей теоретической расплывчатостью и склонностью к терроризму, ко вторым — своим горячим участием в движении рабочих масс.

Мы не упоминаем в тексте «Освобождение»⁶ — журнал, который издает П. Б. Струве. Мы говорим с революционных течений, а этот журнал является органом мирных «конституционалистов», «благонамеренных отцов» (как выражается редакция), представителей земств, а не революционеров. — Прим. В. И. Засулич.

«всякая классовая борьба есть политическая». Или: каждая идеология, каждый политический институт представляет собой надстройку на экономическом фундаменте, поэтому (!) интеллигенция не может «навязывать» рабочим свои взгляды. Поэтому не нужна ни пропаганда в рабочих кружках, ни политическая агитация — до сознания рабочих по их собственному опыту дойдет, что им нужно идти путем экономической борьбы⁹.

В своей известной книге Эдуард Бернштейн, полемизируя с Плехановым, с гордостью утверждает, что среди русских социал-демократов большинство приняли его, Бернштейна, точку зрения¹⁰. По этому поводу надо заметить, что наш «чистый экономизм» возник без содействия Бернштейна и что его книга, вышедшая в 1900 г. с разрешения цензуры в трех изданиях, не имела на него ни малейшего влияния. Правда, некоторое время ссылались на его авторитет, хотя его идеи часто знали только понаслышке и противопоставляли его взгляды нашим, «устаревшим». Общая тональность работ Бернштейна влияла на пропаганду борьбы за «собственные интересы, а не в пользу каких-то грядущих поколений». Его идеи, вероятно, можно узнать в заявлениях, что копейка, которую рабочий присовокупит к своему рублю, важнее в качестве реальной прибыли, чем весь социализм и вся политика, или в ссылах на Англию, где рабочим не навязывалась никакая доктрина и где рабочие будто бы добились больше реальных успехов, чем где бы то ни было.

В начале движения для русских социал-демократов общепризнанным образцом считалась немецкая социал-демократия; во время же экономизма, напротив, в качестве образца приводились английские тред-юнионы и бельгийская партия с ее кооперативными товариществами.

В качестве духовного течения, впрочем, «чистый экономизм» возник не сразу, и в своей агрессивной форме он появился почти исключительно в «Рабочей мысли»¹¹, органе петербургских рабочих. Если не считать эту газету, то со взглядами этого течения можно было познакомиться лишь в устных дебатах или же читая неопубликованные рукописи. В зарубежном «Союзе»¹², публиковавшем популярные статьи, редактируемые группой «Освобождение труда», «экономизм» заявил о себе в 1898 году. В течение короткого времени он нашел распространение благодаря приехавшим из России членам организации (по уставу члены русского комитета принимались в «Союз» без голосования). Это вскоре привело к расколу союза на две фракции и, нако-

нец, к формальному делению его на две части. «Молодые» заботились о том, чтобы «старики»¹³, были отстранены от общения с практически действующими товарищами, не имели возможности пропагандировать свои взгляды так широко, как это было необходимо. Брошюры Плеханова и Аксельрода переправлялись в Россию в незначительном количестве, и там они мало распространялись, так как попадали в руки тех же самых «экономистов», против которых они были направлены.

Орган «молодых» — «Рабочее дело» — не выступал против агрессивного «экономизма»; он видел свою задачу в том, чтобы быть эхом комитетов, состоящих из «экономистов».

Таким образом, к началу 1900 г. единство партии внешне нарушалось только группой «Освобождение труда». В действительности, однако, партия была сильно расколота. Когда же дело дошло до того, что экономическая борьба приостановилась (забастовки внезапно прекратились вследствие кризиса) и рабочие были вынуждены перейти к обороне, партия утратила свой революционный характер. В то же самое время на людей, взгляды которых только еще начали оформляться, самым роковым образом подействовал тот переворот, который произошел в мыслях известнейших «столпов» марксизма Струве и К^о, работавших в легальной прессе*. Они стали «критиками», которые больше не пропускали ни одного положения Маркса, не снабдив его эпитетом «наивное», «устаревшее», «бессмысленное», причем место этих «наивностей» занимало не что иное, как вера в божественное провидение.

В начале 1900 г. та социал-демократическая группа, которая с самого начала участвовала в закономерно развивающемся движении пролетариата и еще до появления «экономизма» временно была вытеснена с боевой позиции, смогла возобновить свою деятельность¹⁴. Она решила дать бой всему, что раскалывало и запутывало движение. Мы знаем этих товарищей уже с девяностых годов, с нетерпением ожидали их возвращения на боевую позицию и присоединились к их замыслу.

В то время в Штуттгарте начал выходить журнал «Заря». «Прежде чем объ-

* Другие, которые писали в легальной прессе из мест ссылки или изгнания, могли пользоваться лишь незначительным влиянием уже по той причине, что они оставались неизвестными для читателей, т. е. они почти каждую статью должны были подписывать разными псевдонимами. — Прим. В. И. Засулич.

единиться, мы должны точно установить, что нас разделяет», — говорилось в извещении об его выходе. Журнал опубликовал «Критику наших критиков»^{*} и вообще был посвящен толкованию и защите идей революционного, марксистского социализма. В это же время созданная газета «Искра» своей задачей поставила политическую агитацию в широчайшем смысле, обсуждение тактических и организационных вопросов в партии, связывая их с критикой не только взглядов, но и практической деятельности партийных комитетов. И во многих отношениях результат превзошел все наши ожидания.

Сейчас можно с определенностью утверждать, что «экономическая» фаза нашего движения уже представляет собою чисто архивный интерес и что единство партии восстановлено. Она вновь является революционно-марксистской, какой мы страстно хотели ее иметь, когда во время самого безнадежного распада революционного движения пропагандировали наши идеи в изгнании; какой она была семь лет тому назад, когда начала свою практическую деятельность в России, в Петербурге как «Союз борьбы».

Но партия должна еще решить и другую задачу, которой посвятила себя «Организация «Искры»¹⁶ с самого начала своего существования, а именно: укрепление — точнее говоря — создание единой партийной организации. Партия возникла в результате чисто практической работы, возникла для агитации и пропаганды в кружках рабочих. Вот почему вначале недостаток планомерной единой деятельности в различных городах был менее ощутим. Это привело к тому, что партия сегодня состоит из целого ряда более или менее сплоченных организаций, комитетов, которые полностью самостоятельны**.

* Название серии статей Плеханова¹⁵ — Прим. В. И. Засулич.

** В 1898 г., когда возникла партия, она состояла из Петербургского, Московского, Киевского и Екатеринославского комитетов и из «Всеобщего еврейского союза»; последний, в свою очередь, состоял из отдельных комитетов (в Варшаве, Лодзи, Минске, Ковно, Вильне, Белостоке и т. д.). В настоящее время, помимо названных городов, комитеты существуют в Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме (эти три образуют «Северный Союз»), Твери, Нижнем Новгороде, Саратове, Харькове, в Донском бассейне, в Кременчуге, Полтаве, Одессе, Николаеве, Тифлисе, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите (последние четыре образуют «Сибирский Союз»). Организации, аналогичные этим комитетам, но названные по-иному, есть в Туле, Риге, Кишиневе, Казани, Пензе, Симферополе, Севастополе, Феодосии и Брянске. — Прим. В. И. Засулич.

Только в отдельных случаях комитеты, действующие в различных районах страны, объединяются в союзы. Среди этих комитетов нет ничего разделяющего их, но также нет ничего такого, что объединяло бы их в единое целое, кроме общности идей. Фактически же они абсолютно независимы друг от друга, и каждый комитет заботится только о делах своего города. Исключение составляет в течение последних двух лет «Организация «Искры», которая не привязана ни к какому месту и везде распространяет свою газету и устанавливает связи.

Работа, проводимая этими независимыми комитетами, безусловно необходима, но нет никакого сомнения в том, что она совершенно неудовлетворительна и в связи с ускорением рабочего движения и в связи с политическими задачами партии, которые теперь уже больше никем не оспариваются. В современных условиях абсолютно невозможно, чтобы территориально разделенные комитеты могли бы приходить к единым решениям и быстро действовать по срочным вопросам, возникающим каждый день. Чтобы партия была в состоянии привести в действие накопленные ею силы, чтобы она была в состоянии полностью использовать всех находящихся в ее распоряжении людей, наряду с отдельными комитетами должна существовать общая партийная организация, которая решала бы дела всей партии, которая была бы связана со всеми местными организациями и тем самым сделала бы эти организации единым активным целым.

Насущная необходимость создания «Центрального комитета», центральной организации, которая была бы вышестоящей по отношению к местным организациям, признается всеми, хотя не все могут ясно представить себе ее характер. Однако мы думаем, что в некотором смысле эта центральная организация будет формироваться и уже постепенно формируется по типу, единственно возможному при режиме неограниченной деспотии, — это будет организация тщательно отобранных «незаконных» революционеров; организация, состоящая из людей, для которых революция стала, так сказать, их единственной профессией, которые посвятили себя исключительно революционной деятельности и которые потому в состоянии в любой момент изменить как свое имя, так и условия своего существования, чтобы уйти от преследований и постоянно служить только своему делу. Лишь при таких условиях мыслима в России интенсивная революционная деятельность, длящаяся годами; только такие люди могут продержаться несколько лет, в то время

как сейчас отдельный революционер едва ли может действовать и несколько месяцев; только в таких условиях приобретает та конспиративная проницательность, та сноровка в революционных делах, которая недостижима в иных условиях даже при выдающихся революционных способностях.

В конце семидесятых годов тайные организации представляли в качестве некоего генерального штаба без армии, как когорту одних вождей, без руководимых. Теперь, когда пробуждение рабочего класса очевидно, когда его боевой дух находит свое выражение при любой возможности, становится ясным, что такая армия существует. С другой стороны, увеличивается число случаев, когда революционерам удается бежать из тюрем и ссылок, и это обстоятельство служит залогом того, что вскоре в нашем распоряжении будут кадры революционеров на нелегальном положении, которые необходимы в условиях России для мобилизации этой армии.

Однако социал-демократия не сразу смогла приспособиться к условиям новой фазы революционного движения. Наступило и его замедление, вызванное тем, что движение охватило самые разнообразные элементы, которые надо было объединить в организацию со строгой дисциплиной, а ее еще только предстояло создать. Все это и привело к появлению того, что принесло с собой много дополнительных трудностей для развития этого движения — мы имеем в виду появление террористического направления.

II

«Социалисты-революционеры» хотели найти противоречие в том, что «Искра» проявила уважение к Карповичу, Балмашеву и Леккерту и вместе с тем категорически отвергла пропаганду политического терроризма¹⁷, приверженцем которого является эта партия и для практического осуществления которого она и создала свою «Боевую организацию»*. Однако, как уже изложено в превосходной

* «Боевая организация» заявила о своем существовании только после покушения Балмашева. Она чрезвычайно негодовала в связи с тем, что «Искра», ссылаясь на заявление Балмашева перед судом, представила это покушение как действие одиночки, так же, как и покушение Карповича. Эта организация утверждает, что будто бы она «вынесла приговор» Снягина и поручила привести его в исполнение Балмашеву. Как бы то ни было, для общественности, составившей свое мнение о поступке

статье в «Leipziger Volkszeitung»¹⁸ (от 28 августа этого года), наша позиция и не могла быть иной.

Действительно, каких бы результатов ни ожидали сами террористы от своих покушений, для партии русской социал-демократии, выдающей свою ближайшую задачу в организации массовой революционной борьбы с русским абсолютизмом, их мученичество может иметь лишь симптоматическое значение. Мы, русские социал-демократы, откровенно признаем, что уже потому глубоко сочувствуем этим людям, что в некоторой степени считаем себя ответственными за их судьбу. Мы развернули свою деятельность не до такой степени, чтобы каждый отдельный человек мог найти удовлетворение в партийной деятельности; мы не добились того, чтобы каждый понимал, что именно эта деятельность партии должна привести к победе над самодержавием, что именно она несет с собой также и то чувство удовлетворения, которое побуждает теперь самоотверженных людей идти на смерть, лишь для того чтобы отомстить тому или иному орудию самодержавия. Подобных актов самопожертвования наша партия может избежать, лишь совершенствуя свою организацию, расширяя и углубляя свою борьбу. Лишь тогда, когда социал-демократия сделает все возможное для этого, она может быть уверена, что оправданные гнев и ненависть, бьющие через край, воплотятся в энергию повседневной, будничной работы, удесятерят решительность и мужество в классовой борьбе. Социал-демократия лишь тогда сможет быть уверена и в том, что чувства гнева и ненависти не будут приводить к тому, чтобы люди рисковали своей жизнью лишь для того, чтобы убрать какого-нибудь мошенника-сановника.

Но чем-то совсем иным по сравнению со стихийным терроризмом, терроризмом разобщенных акций, является терроризм, делающийся особой задачей всей организации, громогласно провозглашенный «боевым средством» против самодержавной бюрократии, средством сдерживания произвола правительства, дезорганизации правительственного механизма и т. д. и т. д. Систематической пропаганде этого терроризма мы должны противопоставить систематическую же контрпропаганду, какой бы неприятной ни представлялась нам эта обязанность.

Балмашева еще до того, как ей стало известно о существовании «Боевой организации», это запоздалое объяснение не имеет никакого значения.— Прим. В. И. Засулич.

Редакция «Neue Zeit» предложила мне при характеристике русских революционных течений рассмотреть и их исторические и теоретические основы. Поскольку речь идет о «социалистах-революционерах», то едва ли представляется возможным в одной статье решить эту задачу ввиду эклектически-беспорядочного многообразия и неясности их взглядов, в основе которых вообще отсутствует единая, четко очерченная теория. Эта группа оспаривает необходимость в такой теоретической основе, отвергая любое теоретическое обоснование программы партии, даже любое стремление к нему, как вредный догматизм и доктринерство.

Своим учителем «социалисты-революционеры» чаще всего представляют П. Л. Лаврова, хотя они время от времени и готовы присвоить этот почетный титул Карлу Марксу. Последнее, однако, не мешает им с упоением заявлять, что марксистская «догма» под ударами критиков и ревизионистов всех стран превратилась в ничто. Смешной по своему высокомерию была большая редакционная статья в «Вестнике русской революции»¹⁹ под заголовком «Мировой рост и кризис социализма»*. Кризис марксизма, по мнению автора, настолько полон и всеобщ, осталось так мало действительных последователей Карла Маркса («их можно пересчитать на пальцах»), что автор озабочен тем, как бы марксизм не был бы «вовсе выброшенным». Нам советуют сохранить в пестрой эклектической смеси и какие-то марксистские лоскутки. Вот почему автор пишет: «...Теперь, когда целая полоса социалистической мысли (речь идет, вероятно, не о России, а о социализме во всем мире. — Авт.) в форме резкого и исключительного марксизма отходит в историю, надо же надлежащим образом понять здоровое зерно марксизма и *постараться не выбросить его за дверь* (подчеркнуто нами), а вдвинуть в надлежащие условия роста и развития»**.

До сих пор у «социалистов-революционеров» не было партийной программы, и пока они ссылаются на некоторые статьи в своем печатном органе, причем требуется, чтобы изложенные в нем взгляды считались официальной точкой зрения партии.

Далее мы рассмотрим официальные и неофициальные взгляды «социалистов-революционеров» на террор, так как именно здесь, как нам представляется, и сле-

дует искать объяснения как внезапного, громогласно объявленного, в действительности же не столь замечательного, «роста» этой партии, так и будущего ее «кризиса». Пока что мы лишь обращаем внимание читателя на утверждения, которые неоднократно повторяются в названных статьях. «Социалисты-революционеры» считают неправильным, что пролетариев, то есть людей, вынуждаемых продавать свою рабочую силу, представляют особым классом. Они сами «рассматривают себя как представителей труда», однако не наемного труда, а «труда вообще, как такового, безотносительно к тому... отделен ли от средств производства или теснейшим образом связан с ними». Они противопоставляют «труд вообще» эксплуатации, рассматриваемой столь же абстрактно. «Одни эксплуатируются прямо в производственном процессе капиталистами-предпринимателями, другие — косвенно, в сфере товарообмена, в сфере арендных договоров и долговых обязательств, — однако все это лишь внешние формы приобретения неоплаченного труда».

Что касается исторических корней «Партии социалистов-революционеров», то она утверждает, говоря о себе, что продолжает дело «Народной воли», однако при более благоприятных обстоятельствах. Нам же, напротив, «социалисты-революционеры» представляются скорее неудачными подражателями представителей той партии. Правда, некоторые связующие звенья между старой «Народной волей» и кружками, примкнувшими к «Партии социалистов-революционеров», можно установить в кружках 80-х и 90-х годов.

Как ни велика была всеобщая подавленность в том «проклятом» десятилетии 80-х годов, все же эхо подавленного движения не отзывало совсем и все снова и снова возникали новые, правда, нежизнеспособные кружки приверженцев «Народной воли». К началу 90-х годов постепенно преодолевается моральная усталость и безнадежность, овладевшие русским обществом после террористической борьбы. Носителями новых надежд были тогда в кругах петербургских студентов марксисты, но существовали также и кружки приверженцев «Народной воли». Однако в то время, как марксисты в борьбе с народниками (взгляды последних господствовали среди интеллигенции) сплотили свои ряды и все более четко утверждали свою политическую позицию, молодежь, знакомая с программой «Народной воли», начала сомневаться в ее правильности и стала приближаться к социал-демократам. Последний народнический кружок, имевший свою собственную тайную типографию (она попала в руки

* «Социально-политическое обозрение» под редакцией К. Тарасова, № 2. — Прим. В. И. Засулич.

** Стр. 75. — Прим. В. И. Засулич.

полиции в 1896 году), был так близок по своим взглядам к марксистам, что намечалось объединение²⁰. Живущие в изгнании «старики» из «Народной воли», напротив, заявляли, что они не могут более считать своими товарищами этих приверженцев своего направления. С тех пор как эта организация была уничтожена, уже не возникали никакие новые кружки под старым партийным названием; к концу же 90-х годов образовались — особенно на юге — кружки, которые по своим взглядам имели много общего со взглядами приверженцев нынешней партии эсеров; они назвали свою партию «Социалисты-революционеры». Однако при этом речь шла не о кружке революционной молодежи; это в большинстве случаев были люди, вернувшиеся из ссылки, то есть люди, взгляды которых сформировались еще до того, как в России распространилось социал-демократическое движение. Они не приобрели большого влияния на учащуюся молодежь, и с рабочими они были мало связаны.

Ренегатство Струве и компании²¹, затем столкновение «Искры» с «экономистами» дали противникам социал-демократии новые надежды. Журнал «Русское богатство»²², орган мирных либералов, сторонников Лаврова, торжествовал тогда, что марксисты будто бы уничтожены, подорваны, что они, как известные коты в басне, готовы съесть друг друга, оставив только хвосты. Судя же по писаниям наших противников в эмиграции, эти коты давно уже съели друг друга, и лишь хвосты продолжают бороться. Но торжество было абсолютно неосновательным: хотя марксисты сильно враждовали между собой, их противники тем не менее не приобрели никакого влияния на молодежь и рабочих. Еще весной 1901 года во время первых демонстраций, по свидетельству авторитетного писателя «социалистов-революционеров», в России не было серьезных революционных организаций, кроме социал-демократических, и он совершенно точно доказывает, что его партия в то время находилась еще в состоянии становления.

Лишь в том же 1901 году, когда спонтанно и бурно проявился интенсивный рост классового самосознания и сплоченности рабочих, — многолетняя подготовка к которому не была тайной только для социал-демократов и полиции, — и когда началось студенческое движение с небывалым для того времени единством и интенсивностью, так что каждому стало ясно, какое распространение приобрело уже ранее начавшееся революционное движе-

ние, и когда наконец раздалась первые револьверные выстрелы, лишь в этот бурный год началась жизнь «социалистов-революционеров». За границей вышли названные публикации, русские кружки эсеров проявили более значительную активность. К концу 1901 года мы наконец узнали, что эти кружки сплотились в «Партию социалистов-революционеров». Фактором революционного движения, с которым вынуждены были считаться социал-демократы и в отношении которого они должны были занять решительную позицию, эта партия стала только в апреле этого года, после покушения на Сипягина. После этого покушения партия объявила о возникновении «Боевой организации», которая считает своей задачей осуществление систематического терроризма. Отныне партия воодушевленно проповедовала терроризм в своем журнале, в воззваниях и прокламациях, которые выпускала то партия, то «Боевая организация», то группа радикальных и последовательных террористов.

Я уже упоминала о том, что, по нашему мнению, в настоящее время все своеобразие партии «социалистов-революционеров» и тот интерес, который к ним проявляет общественность, связаны с ее заявлением о намерении систематически прибегать к терроризму. По этой причине представляется необходимым поближе познакомиться с их аргументацией по этому вопросу и с позицией социал-демократии.

Прежде всего следует отметить, что хотя некоторая часть «Партии социалистов-революционеров» и заявляет, что освобождение может быть завоевано лишь в «поединке» между террористами и самодержавием, в статье на эту тему в партийном органе, которая должна выражать официальное мнение партии по вопросу о терроре, мы читаем нечто другое. Партия, говорится там, предпринимает организованный систематический терроризм не для того, чтобы заменить массовую борьбу, а для того, чтобы *дополнить* и *усилить* эту массовую борьбу. Сообразно с этим терроризм, вероятно, необходим «в качестве оружия необходимой самозащиты, без которой разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы...». Задача «Боевой организации» «Партии социалистов-революционеров» должна заключаться в том, чтобы обуздать этот произвол. Она «берет всецело на себя роль охранительного отряда, освобождая местные комитеты партии от проклятой обязанности отвлекаться от своего главного дела для самозащиты и обуздания насильников». Под защитой «Боевой организации» пропагандисты, агитаторы и организаторы «получают полную возмож-

ность» заняться выполнением своих задач и т. д. и т. п.²³

Мы, немногие старые революционеры, которые помнят борьбу мнений внутри партии «Земля и воля», между террористами (образовавшими позднее партию «Народная воля») и остальными революционерами, находим в этих словах «социалистов-революционеров» почти буквальное воспроизведение аргументации террористов того времени. Они также не хотели ни уничтожать, ни заменять деятельность «Земли и воли», наоборот, они хотели защитить товарищей, обуздать власть имущих, они образовали «Охранительный отряд» — они использовали именно эти слова. «Социалисты-революционеры» могли бы прочесть в одном из номеров своего органа (№ 2), как этот «Охранительный отряд», никого не защитив, а лишь усилив рвение жандармерии и полиции, вначале поглотил большую часть, а потом и все силы партии и в конце концов был разгромлен, а вместе с ним потерпело крах и все революционное движение²⁴. В названном органе эсеров эта история рассказывает, разумеется, не для того, чтобы предостеречь их «Охранительный отряд» от постановки фантастических задач. Но если не допускать фальсификации истории, то эти события невозможно описывать так, чтобы из них не вытекало именно это предостережение.

Разумеется, нам говорят, что терроризм теперь зарождается при благоприятных условиях, что теперь рабочий класс пробудился, что крестьяне возмущаются и т. д. Поскольку речь идет о «защите» и «обуздании», они не имеют никакого отношения к этому. Здесь нам нужно только подчеркнуть, что покушения на властителей не «обуздывают» самодержавие, люди, которые служат делу революции, не могут «защищать»; одним словом, подобные покушения не мешают самодержавию в борьбе против внутреннего врага. Напротив, они служат лишь одному — ускорению естественного отбора среди орудий самодержавия. Свириного, но, впрочем, вполне посредственного господина Сипягина сменил Плеве, человек, прошедший огни и воды, человек, накопивший опыт при ликвидации внутреннего врага уже во время «Народной воли». Мы вовсе не удивились бы, если бы со временем нашли секретный документ, в котором говорилось бы, что этот человек приказал отхлестать кнутом рабочих только для того, чтобы усилить террористическое течение и одновременно оттеснить его из Петербурга в провинцию. Ясно также и то, что правительство располага-

ет определенным количеством лиц (в частности, их нужно искать в корпусе жандармерии и в государственной полиции), которые продали ему свою душу и которые с самого начала смирились со всеобщей ненавистью и определенным риском, чтобы наверняка сделать карьеру. Среди этих людей правительство всегда найдет человека, который сможет заменить любого Сипягина.

Если в этой руководящей статье обсуждаются в первую очередь, так сказать, утилитарные стороны терроризма, то, однако, не упускается также возможность превозносить его и по-другому. Терроризм — так говорится — является делом чести партии; честь же требует, чтобы орудия правительства были бы наказаны, чтобы «отвечать на эти удары ударами же» и чтобы эти удары не оставались «неотмщенными». Соответственно революционной борьбой как в прошлом, так и в настоящем признается лишь терроризм. Огромная работа в области пропаганды, агитации, организации рабочих масс, проводимая социал-демократией, признается полезной, но все это для эсеров лишь мирная культурная работа, а не революционная деятельность в строгом смысле этого слова. Демонстрации с энтузиазмом приветствовались эсерами до начала горячей пропаганды терроризма. Они и сейчас еще приветствуют их в некоторых случаях. Но поскольку речь заходит о доказательствах необходимости террористических акций, то эти же самые демонстрации рисуются куда в более мрачных тонах — они не что иное, как желание «подставить себя под кнут» или телесное наказание при аресте. Все наше мощное движение приобретает в их глазах, во имя восславления терроризма, вредный, трусливый, «рабский» характер; оно должно иметь место лишь до тех пор, пока не раздастся выстрел, который «смоет позор». Лишь выстрел является боевым действием. Борьба понимается в узко материальном, чисто физическом смысле и сводится к пролитию крови. Где не гремят выстрелы — там нет борьбы.

Между тем, если вдуматься в факты, то оказывается, что как раз эти террористические акты и не являются реальной борьбой, а имеют чисто показательный характер. С их помощью новой революционной России демонстрируют высшую ступень революционной борьбы, достигнутой Россией в прошлом. Новая революционная Россия — это и рост революционного мужества и неповиновения властям, это широкое распространение нелегальной литературы и постоянный спрос на нее, это и та быстрота и легкость, с которой, не-

смотря на бесчисленные аресты, сплачиваются и множатся ряды организованных социал-демократов, это и сами уличные демонстрации, наконец — тысячные толпы людей поддерживают протест студентов, громадные массы в этом году дают услышать всей России лозунг «Долой самодержавие!», и этот лозунг не отвергается остальным населением — все это дает ясно понять, как поданным русского правительства, так и самому этому правительству, насколько бурно и неукротимо растет число его врагов, насколько непримиримы противоречия между его наемными защитниками и народной массой. А pistolетные выстрелы лишь дополнили эту картину, показав силу революционного накала у отдельных лиц или же (если считать терроризм функцией только «Боевой организации») силу этого накала у небольшой группы профессиональных революционеров. А наилучшее доказательство того, что в терроре речь идет совсем не о том, чтобы нанести реальный ущерб правительству, — заявление «Боевой организации» по поводу убийства Сипягина²⁵. Из этого заявления следует, что она знала о предстоящей отставке Сипягина. Его не хотели убивать после ухода в отставку и не хотели также оставлять ненаказанным, поэтому исполнение приговора было ускорено. «Революционеру важна не замена Сипягина каким-нибудь другим министром», — говорят «социалисты-революционеры» в этом официальном заявлении. «Мы боремся не с лицами, а с системой. Наши удары могут направляться на лиц лишь постольку, поскольку в них воплощается и более или менее полно олицетворяется система». Хотя это заявление смутно и противоречиво, оно не оставляет никаких сомнений в том, что «Боевая организация» и не ставила перед собой цель нанести ущерб правительству, лишив его одного из его полезных слуг (Сипягин так и так должен был уйти в отставку). Нет сомнений в том, что для нее не имела значения и личность убитого (причем, конечно, здесь мы сталкиваемся с противоречием — опасались, что отставка избавит его от направленных в него выстрелов). Она избрала эту личность только как воплощение системы, как ее символ. Но что это такое, как не показательная борьба или, если угодно, борьба чисто символическая? Еще яснее это становится, если мы рассмотрим события, связанные с покушениями на фон Валя и князя Оболенского²⁶. Легко раненный фон Валь уже через час после покушения принимал поздравления и вскоре после этого получил повышение по службе. У него были все основания

считать pistolетный выстрел Леккерта счастливым для него случаем. Оболенский пришел к своему триумфу, не пролив ни капли крови. Зато Леккерт был казнен, а Качур, во всяком случае, потерян для дела. Тем не менее эти покушения стали поводом к бесконечным разговорам об «угрожающих ударах мстителей», поводом для фраз об «отмщении» за высеченных рабочих, о злодеянии, «не оставшемся без возмездия», и т. д. и т. д. Однако не должно ли быть ясным, что здесь не может быть и речи о «нанесенных ударах» и «возмездии», а только о проявлении революционного гнева у людей, совершивших покушения?

Если уличная демонстрация имеет своим эффектом (как утверждают «социалисты-революционеры») только то, что демонстранты подставляются под «нагайки казаков», то покушение — это не что иное, как отправка на виселицу. В первом случае массы развертывают красные знамена, невзирая на нагайки, и выражают таким образом свою ненависть к правительству лозунгом «Долой самодержавие!». Это — новая Россия, поднимающаяся на борьбу. Во втором случае отдельные личности выражают ту же ненависть покушением, несмотря на виселицы. Революционное нетерпение отдельных людей или очень маленьких групп проявлялось в России уже три четверти века тому назад. Теперь, когда новая Россия выступает на арену борьбы, когда боевой дух захватывает массы, настоящее место людей, готовых пойти на жертву, в рядах этих масс. Задача героев состоит сегодня не в том, чтобы «мстить» за массы или «защищать» их, а в том, чтобы вдохновить их и вести за собой; нужно действовать не для масс, а в массах. К сожалению, все еще есть часть революционеров, которым кружит голову старое, когда-то оправданное, сегодня, к счастью, ложное представление о кучке героев и пассивной массе, и это побуждает их направлять движение по старому безнадежному пути.

Но сторонники терроризма особенно восхваляют его «агитационное» значение. Террористическая борьба привлекает всеобщее внимание, престиж террористов повышается, она возбуждает радостное чувство, удовлетворяет «психологическую потребность в отпоре, которой полны сердца избитых и опозоренных» и т. д. «Разве девять из десяти образованных русских не приветствовали с усвоением смерть Сипягина?» — спрашивали, торжествуя, радикальные террористы из «Партии социалистов-революционеров». Конечно, терроризм порождает радостные чув-

ства и ложное удовлетворение от мнимого «удара» и победы, которой на самом деле не было. Он создает фиктивное «удовлетворение психологической потребности в сопротивлении». Однако мы твердо убеждены, что именно в этом заключается вред психологического воздействия терроризма, ведущего к постепенному спаду и ослаблению движения. Это удовлетворение слишком дешево.

Естественный выход находит чувство ненависти и оскорбленного человеческого достоинства, порождаемое произволом в отношении арестованных товарищей, тогда, когда возникает стремление вызвать к жизни ту силу, которая делает эти преступления невозможными, когда все направлено на то, чтобы привести массы в движение, чтобы в подобных случаях не авангард, а основные силы войска спешили бы освободить из тюрем людей, подвергшихся издевательствам. Но чего же тогда стоит удовлетворение, которое внушают себе, утверждая, что pistolетный выстрел, направленный в виновника издевательства над людьми, означает «удар», «смывает позор», «мстит за преступление»? Удовлетворение будет еще более дешевым, если поверить обещанию «социалистов-революционеров», что при наличии «Боевой организации» «не останется ненаказанным ни один гнусный поступок». Эта вера ведет, наконец, к тому, что всех виновников таких гнусных преступлений уже заранее считают «наказанными» и все гнусные злодеяния — икупленными.

Рабочий Качур сообщает в своем письме, опубликованном «социалистами-революционерами», что он разочарован в стачках и полтора года тому назад (письмо датировано июлем этого года) вместе с «социалистами-революционерами» убедился в бесполезности демонстраций и по этой причине отвернулся от социал-демократии и примкнул к новым товарищам. Его разочаровали также «запрещенные книжки», и он считает, что им не стоит придавать значения. В апреле этого года он был принят в «Боевую организацию» и ему «предложили ...идти на харьковского губернатора». «Конечно, я не думаю, — пишет он, — что после того, как я убью харьковского губернатора, крестьян не будут избивать», однако после целого ряда подобных покушений правительство, «поверьте, скоро сократит руки». «Я верю, — говорит далее, — что ей («Боевой организации. — *Ред.*) удастся заставить правительство не бороться с нами кнутом и кулаком; я верю, что она добьется, чтобы рабочие и крестьянское движение могло свободно развиваться»²⁷.

Что же стало бы с движением, если бы среди рабочих распространилась вера Качура в «Боевую организацию» и если бы они разделили разочарование в отношении всех иных форм движения?

Мы знаем, что по официальному заявлению партии терроризм *должен не заменять борьбу масс, а дополнять и усиливать ее*. Однако терроризм имеет свою собственную логику. И тот же Качур, убежденный в том, что без этой «Боевой организации» невозможно массовое движение, едва ли потребует прекратить это движение, пока «Боевая организация» не «обеспечит» ему свободу. Качур утверждает, что если рабочий знает, что «есть кому за него заступиться», то он знает также, что может бороться. Но Качур здесь заблуждается; он судит по собственным впечатлениям, но когда он писал свое письмо, он уже тогда относил самого себя к тем, которые «заступаются» за массы, но не к массе, которая, по его мнению, не может бороться без помощи одиночки. Поскольку массы убеждены в своем бессилии, поскольку они уповают на то, что не они сами, а отдельные люди своими покушениями «заставят правительство» сдать и дать свое согласие на свободу, постольку массовое движение должно было бы неизбежно уступить свое место терроризму, на нем должны были бы сконцентрироваться интересы всех. Жажда борьбы превратилась бы в стремление услышать о новом подвиге, революционное настроение выразилось бы в ликовании по поводу таких деяний до тех пор, ... пока бы эти действия не прекратились, достигнув своей кульминационной точки, как это было в 1881 г.²⁸, или пока не сдали бы нервы, пока не наступило бы изнеможение, пока эти покушения не утратили бы своей привлекательности и новизны, что и произошло бы, развивайся терроризм не crescendo, а довольствуясь он «наказанием» отдельных саванников. Но конечный спад терроризма должен был бы неминуемо повлечь за собой глубокое моральное изнеможение, разочарование всех, кто основывал на нем свои планы, и тогда наступил бы конец энергичной массовой борьбе, пока на поле боя не появилось бы новое поколение.

Однако хотя определенная склонность к терроризму, рожденная жаждой мести за экзекуции, заметна также и у социал-демократов, мы все же твердо убеждены в том, что это движение в его главном течении не встанет на этот путь. Здесь мысль и чувство работают для того, чтобы усилить партийную организацию, ответственнее организовать борьбу масс, расширять и усиливать ее; здесь нет места

для разочарований. Тенденция же более отдаленных от нас кругов революционеров к терроризму возникает лишь на почве разочарования.

В заключение нам хотелось бы привести несколько предложений из прекрасной листовки «О терроре», выпущенной редакцией «Южного рабочего»²⁹, лучшей в России газеты нашей партии. В этой листовке указывается на то, что «положение революционеров сегодня другое по сравнению с их положением, которое было двадцать лет назад; тогда они были разобщены, и терроризм был для них единственной надеждой «утошающего, который хватается за соломинку». Сегодня, напротив, как во всем обществе, так и в поведении крестьянских масс наступила большая перемена, и самое главное — на арене истории появился рабочий класс в качестве активной и сознательной общественной силы. Естественно, — так продолжают наши товарищи, — революционерам предстоит еще огромная работа по углублению движения в рабочем классе и «организации разрозненных сил в обширную, могучую политическую партию». Путь к этой цели тернист, преследования жестоки; но находятся отдельные революционеры, «измученные и ожесточенные травлей правительства, они хотели бы забыть в сладком чувстве мести врагам, но революционер не должен забывать из-за дела революционеров дела революции..., не должен давать как нельзя более понятному чувству овладеть собой... Отдельных фактов насилия и форм оскорбления человеческого достоинства безграничное

множество, и революционная партия погубила бы себя, если бы увлеклась партизанской борьбой с единичными представителями этого насилия... Если оскорбляется человеческое достоинство, то только один оскорбляемый может восстановить его, но никто более. Другие люди могут создать новые условия, при которых оскорбление сделается невозможным, но не казнь оскорбителей создадут эти новые условия. Тот же, кто не может овладеть непосредственным чувством, пусть поступает по указанию этого чувства. Мы не осудим его: неприкосновенно святы для нас люди, своей кровью запечатлевшие бесконечную свою преданность великому делу освобождения. Но мы со всей энергией протестуем против попытки бюрократической организации этого непосредственного чувства, мы протестуем против литературной проповеди организованного террора как исхода этому непосредственному чувству». Отказ от непосредственной мести за отдельные злодеяния, говорится в заключение, налагает на нас «все новое и новое обязательство отдавать всю свою жизнь на создание таких условий существования, при которых эта неправда и насилие станут невозможны»³⁰.

Так думают и говорят товарищи, работающие на юге России, где «социалист-революционеры» представлены наиболее сильно. У социал-демократов, работающих в центральных областях и в столицах, о склонности к терроризму не может быть и речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 90-е гг. XIX в. в России и среди русских эмигрантов за границей стали появляться различные кружки народнического толка, принявшие название «социалистов-революционеров». В конце 1901 — начале 1902 г. происходит объединение этих эпигонов народничества в «партию социалистов-революционеров» (эсеров).

² «Жизнь» — литературный, научный и политический журнал, с 1897 по 1901 г. издавался в Петербурге, некоторое время находился в руках «легальных марксистов». В апреле 1902 г. издание журнала было возобновлено за границей социал-демократической группой «Жизнь» (В. Д. Бонч-Бруевич и др.). 3 декабря 1902 г. одновременно с роспуском этой группы издание журнала было прекращено.

³ «Рабочее дело» — журнал, неперидический орган «Союза русских социал-демократов за границей», выходил в Женеве с апреля 1899 г. по февраль 1902 г. Редакция «Рабочего дела» являлась заграничным центром «экономистов». Развернутая критика взглядов «рабочедельцев» дана в книге В. И. Ленина «Что делать?» (См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 1—192). Плеханов критиковал «рабочедельцев» в своем предисловии к сборнику «Vademe-sum» для редакции «Рабочего дела» (См. Г. В. Плеханов. Соч., т. 12, стр. 3—42).

⁴ «Борьба» — заграничная литературная группа социал-демократов, образовавшаяся в Париже в 1900 г. (Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов и др.). Группа стояла на антиленинских политических позициях, вы-

ступала против «Искры» и «Зари», пытаясь объединить вокруг себя заграничные организации российских социал-демократов. II съезд РСДРП принял резолюцию, отказывавшую группе «Борьба» в приеме ее представителей на съезд, и решение о ее роспуске.

⁵ «Свобода» — журнал, издававшийся группой под тем же названием в Швейцарии (вышли 2 номера: № 1 в 1901 г. и № 2 в 1902 г.), проповедовал идеи терроризма и «экономизма», выступал в блоке с петербургскими «экономистами» против «Искры» и Петербургского комитета РСДРП. (О группах «Борьба» и «Свобода» см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 220—223).

⁶ «Освобождение» — двухнедельный журнал, орган буржуазных либералов, выходил за границей (Штуттгарт — Париж) с июня 1902 по октябрь 1905 г. под редакцией П. Б. Струве.

⁷ Решение об образовании Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) было принято на I съезде РСДРП, состоявшемся 1—3 марта 1898 г. в Минске. Съезд только провозгласил основание партии, но партии еще не создал. Период с 1898 до 1900 гг. В. И. Ленин характеризовал как время «разброда, распада, шатания» в российском социал-демократическом движении (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 181), когда «легальные марксисты», «экономисты» и другие оппортунистические элементы мешали образованию общероссийской организации марксистов. Задачу создания революционной партии рабочего класса России выполнил II съезд РСДРП, подготовленный В. И. Лениным и руководимой им газетой «Искра». «Съезд завершил процесс объединения революционных марксистских организаций России на идейных, политических и организационных принципах, разработанных Владимиром Ильичем Лениным» (Постановление ЦК КПСС «О 80-летию Второго съезда РСДРП» от 31 марта 1983 г.).

⁸ Засулич здесь и далее пишет о созданном В. И. Лениным петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», не называя никаких фамилий, так как В. И. Ленин и другие руководители «Союза» в это время подвергались преследованиям властей царской России или находились в политической эмиграции.

⁹ В этом абзаце Засулич показывает, как, извращая суть положений Маркса и Энгельса, провозглашенных в «Манифесте Коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 433), «экономисты» делают ложный вывод о ненужности политической борьбы и агитации в рабочем движении России.

¹⁰ Данное утверждение Э. Бернштейна содержится в его книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» (Stuttgart, Dietz, 1899), которая впервые издана на русском языке в Лондоне в 1900 г. под названием «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии» (стр. 212).

¹¹ «Рабочая мысль» — газета, орган «экономистов», выходила с октября 1897 по де-

кабрь 1902 г. Называя «Рабочую мысль» органом петербургских рабочих, Засулич имеет в виду то, что в результате ошибок, допущенных после ареста и ссылки В. И. Ленина в деятельности ряда членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», эта организация рабочих Петербурга со второй половины 1898 г. оказалась в руках «экономистов», которые через газету «Рабочая мысль» насаждали идеи тред-юнионизма и бернштейнства на русской почве. Критика взглядов «Рабочей мысли» дана В. И. Лениным в статье «Попятное направление в русской социал-демократии», в статьях, опубликованных в газете «Искра» и в книге «Что делать?».

¹² «Союз русских социал-демократов за границей» был основан в 1894 г. в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда». Во второй половине 90-х гг. возникли разногласия внутри «Союза» между «экономистами» и революционными марксистами, которые привели к выходу группы «Освобождение труда» из «Союза русских социал-демократов».

¹³ «Старики» — так называли членов группы «Освобождение труда» — Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода в отличие от «молодых», позднее вступивших в российское социал-демократическое движение, часть которых во 2-й половине 90-х гг. XIX в. скатились на оппортунистические позиции «экономизма».

¹⁴ В. И. Засулич имеет в виду возвращение из ссылки руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с В. И. Лениным.

¹⁵ В трех статьях Плеханова «Критика наших критиков. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития», опубликованных в журнале «Заря» № 1, 2/3, 4 в 1902 г., опровергались взгляды «легальных марксистов» в области политической экономии, философии, социологии (См. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 2, с. 504—633).

¹⁶ Заграничная организация «Искры» и «Зари» была создана в конце 1900 г. По инициативе В. И. Ленина эта организация и «Революционная организация «Социал-демократ», куда входили члены группы «Освобождение труда», в октябре 1901 г. объединились в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии».

¹⁷ Имеются в виду статьи Г. В. Плеханова, опубликованные в «Искре» № 20 и № 22 за 1902 г. «Смерть Сягина и наши агитационные задачи» и «Русский рабочий класс и полицейские розги» (См. Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 240—245).

¹⁸ «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская народная газета») — орган левого крыла СДПГ, выходила с 1894 г.; в XIX — начале XX в. редактировалась Ф. Мерингом и Р. Люксембург.

¹⁹ «Вестник русской революции. Социально-политическое обозрение» — журнал группы политических эмигрантов, критиковавших революционных марксистов, издавался в Париже в 1901—1905 гг. под редакцией Н. С. Русанова (псевдоним — К. Тарасов) с № 2 — журнал эсеров.

²⁰ Речь, по всей вероятности, идет о петербургской революционной народнической организации «Группа народолюбцев», второго состава (1894—1897). Отход части членов группы от народнических взглядов привел их к сотрудничеству в практической работе с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и к известному сближению с марксизмом. В подпольной типографии группы (так называемой «Лахтинской») была напечатана работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

²¹ Засулич имеет в виду дальнейшую эволюцию «легальных марксистов» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и др.), которые были идеологами либеральной буржуазии, а их взгляды, как отмечал В. И. Ленин, являлись «отражением марксизма в буржуазной литературе»; со 2-й половины 90-х гг. XIX в. они стали на позиции, еще более чуждые марксизму. Полный разрыв в переговорах о сотрудничестве в издании антиправительственной литературы между «легальными марксистами» и революционными марксистами, группировавшимися вокруг редакции «Искры», произошел в конце 1900 г.—начале 1901 г. Вскоре, с июня 1902 г., Струве и компания начали издавать журнал «Освобождение», являвшийся органом буржуазных либералов. В ходе первой русской революции 1905—1907 гг. и после ясно определилась контрреволюционная, враждебная пролетариату сущность этого антимарксистского течения.

²² «Русское богатство» — журнал, издавался в Петербурге в 1876—1918 гг.; с начала 90-х гг. — орган либеральных народников, с 1906 г. — орган близкой к кадетам Трудовой народно-социалистической партии (энесов).

²³ Засулич цитирует статью «Террористический элемент в нашей программе», опубликованную в органе эсеров «Революционная Россия», № 7 (июнь 1902 г.).

«Революционная Россия» — нелегальная газета, издавалась с конца 1900 г., как правило, выпускалась ежемесячно; с января 1902 г. по декабрь 1905 г. выходила в Женеве как официальный орган партии эсеров.

²⁴ Речь идет о статье «Памяти героев (1881—1901)» анонимного автора, опубликованной в газете эсеров «Революционная Россия», № 2 (1901 г.), с. 2—6.

²⁵ Документ, который ниже цитирует Засулич, является комментарием редакции «Революционной России» по поводу убийства Сипягина («Революционная Россия», № 10, август 1902 г.).

²⁶ В 1902 г. сторонниками эсеровской террористической тактики были произведены два неудавшихся покушения. Рабочий Ф. К. Качур стрелял в харьковского губернатора И. М. Оболенского, который зверски расправился с крестьянами при подавлении массовых выступлений в Харьковской губернии. Рабочий Г. Д. Леккерт покушался на виленского губернатора В. В. фон Валя, подвергшего порке рабочих, арестованных за участие в майской демонстрации.

²⁷ Засулич цитирует «Письмо к рабочим» Ф. Качура, опубликованное без подписи в газете «Революционная Россия», № 10, август 1902 г., с. 1—2.

²⁸ Засулич имеет в виду то, что после убийства народолюбцами 1 марта 1881 г. Александра II и последовавших за этим свирепых репрессий царизма, движение той фракции революционного народничества, которая проповедовала тактику индивидуального террора, вступило в период идейного и организационного кризиса.

²⁹ «Южный рабочий» — социал-демократическая нелегальная газета, издававшаяся группой того же наименования с января 1900 по апрель 1903 г. Всего вышло 12 номеров. В редакцию входили И. Х. Лалаянц, А. Виленский и др.

³⁰ Текст цитируется по брошюре (листовке) «О терроре», изданной группой «Южный рабочий».